

обсуждения данных программ самими калмыцкими делегатами, а не администрацией стала бы возможной выработка на их основе единой программы, которая могла бы стать хорошим основанием для планируемой реформы.

²¹ Там же. Лл. 55. Желание Малодербетовского улуса, разрабатывать программу на самом съезде, было вполне понятным, так как его представители намеревались вынести на его обсуждение вопрос «О введении воинской повинности в Калмыцкой степи» на общих основаниях или в порядке комплектования специальных калмыцких частей на особых условиях (переход в казачество). Это требование было направлено на достижение юридического равноправия калмыцкого народа с другими народами империи, и его осуществление означало бы расширение гражданских прав калмыков, а в дальнейшем пересмотр политико-административного статуса Калмыцкой степи. Однако, несмотря на то, что это требование и попало в первую редакцию, во вторую окончательную редакцию программы съезда, утвержденную министром, оно не попало. Что же касается правил, утвержденных министром внутренних дел 2 мая 1907 г., то они включали в себя три основных пункта: 1) съезды имеют характер совещательного учреждения и резолюций обязательного значения принимать не могут, 2) съезды имеют задачей всестороннее освещение вопросов скотоводческого хозяйства; 3) съезды созываются под председательством заведующего калмыцким народом в составе всех попечителей и тех калмыков-скотоводов, которые пожелают принять добровольное участие в заседаниях съезда. (См. НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Ед. хр. 308. Лл. 24-24об.)

²² Среди делегатов (Ц-Д. Онкоров, М. Хадбитов, Г. Балзанов, Э. Кармыков, Л. Арлуев, с. Талтаев, Ц-У. Леджинов) присутствовали и служители ламаньской церкви во главе с ламой Ч. Балдановым.

²³ Труды съездов улусных попечителей. С. 226, 235-236, 238, 243, 255.

²⁴ НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Ед. хр. 308. Лл. 34-36.

²⁵ Там же. Лл. 1-24. К сожалению, в окончательную программу съезда так и не попали многие вопросы, поднимаемые улусными сходами, что естественно не способствовало установлению доверительных отношений между властью и подданными.

²⁶ Труды съездов улусных попечителей. С. 239-240.

²⁷ НА РК, ф. И-9, оп. 9, ед. хр. 18.

В.Г. Дацышен

Население Западной Монголии в конце XIX в. и проблемы региона

Западная Монголия была завоевана и включена в состав Цинской империи в XVIII в., центром которой стал г. Кобдо. В административном отношении Западная Монголия составляла отдельный

округ во главе с чиновником, назначаемым из Пекина, обычно маньчжуром. Эта должность «цаньцзань дачэнь» («министр-секретарь») по-русски обычно называлась амбань. Кобдоский округ находился в ведении Улясутайского цзянцзюня - генерал-губернатора Халхи (Внешней Монголии). Собственно Кобдо не входил в состав Халхи, и амбань формально подчинялся цзянцзюню лишь в военном отношении. Однако, отсутствие разделения гражданской и военной власти, а также сложившаяся практика создавали систему двойного подчинения - напрямую Пекину и параллельно Улясутаю. Кроме того, в некоторых ситуациях Пекин рекомендовал амбаню Кобдо действовать совместно с властями провинции Синьцзян. Территория Кобдоского округа определялась в 453 тыс. кв. верст¹. Округ составлял около 20 % территории Монголии (Внешней и Внутренней) и имел около 10% ее населения. Численность населения Западной Монголии по русским данным в 80-х гг. XX в. составляла около 150 тыс. чел. западно-монгольских племен и 60 тыс. чел. казахов («киргиз абак-киреевского рода»)², в округе проживали и представители других этнических групп.

Цинские власти осуществляли лишь общий контроль, население же управлялось своими родовыми князьями, хошун-цзасаками. Цзасак был полновластным, наследственным правителем хошуна, но обязан был следовать маньчжурским законам. Цзасаки хошунов в Западной Монголии, как и в других частях Цинской империи, получили титулы служилой знати. Среди них были цинь-ваны (князя 1-й степени), цзюнь-ваны (князя 2-й степени), бэйлэ (князя 3-й степени), бэйсэ (князя 4-й степени), улус-ту-тусалакчи-гуны (князя 6-й степени), тайджи. Военно-административная система монгольского населения Кобдоского округа строилась на общих для Монголии принципах, однако в отличие от Халхи, отсутствовали аймаки, было лишь два сейма (совета князей). По этой системе хошун приравнивался к дивизии, а сейм к корпусу (чугулгану). Сейм Сайн-цзаягату объединял 16 хошунов, кочевавших преимущественно в северной части округа. 4 хошуна сейма Чин-сэтхильту кочевали в южной части округа. Большинство хошунов - 13 из 20, состояло всего из одного сумона (эскадрона). В Западной Монголии очевидно не имелось монголов Шабинского ведомства.

Этно-племенная и административная структура Западной Мон-

голии, в отличие от других монгольских территорий, была довольно сложной. З. Матусовский в своей фундаментальной работе «Географическое обозрение Китайской империи»³ выделил в составе монгольских народностей Кобдо: урянхаев, кочующих по Алтаю; ойратов, «к коим причисляются: дурбэты (дербэты), торгуты, и хойты»; хошотов; байтов (баяты); дархатов; захачитов. Кроме того, были перечислены тюркские народы Кобдо: киргизы (казахи), урянхай (тувинцы) и хотоны (хотоны); а также названо китайское население. В составе сейма Чин-сэтхильту было три сумона «Новых торгоутов» и сумон «новых хошотов», т.е. вернувшихся с Волги калмыков. Очевидно этот сейм исследователь Б.В. Долбежев упомянул в числе «7 синьцзянских калмыцких сеймов»⁴. Другой известный путешественник и исследователь М.В. Певцов среди населения Кобдоского округа называл следующие хошуны: дурбет (дербэт), мынгит (мингар, мянгат), олет, алтайских урянхаев, торгоутов (торгутов) Южного Алтая, цзахачин (захчин), а кроме того землю киргизов-киреевцев⁵.

По данным российских исследователей к концу XIX в. наблюдались значительные отличия среди различных западномонгольских этнических групп, поддерживаемых военно-административным устройством населения. Кроме того, сохранялись различия между местными ойратами и пришельцами с Волги и Синьцзяна, являвшихся представителями тех же племенных групп. Алтайские урянхайцы, вероятно, относятся к монгольской народности, и можно предположить, что они не являлись тувинцами, воспринявшими монгольский язык, но и не были племенным объединением ойратов. Хотоны к концу XIX в. еще не были сильно монголизированы.

Из материалов исследователей видно, что во 2-й пол. XIX в. значительную долю населения Кобдоского округа составляли казахи, в основном, племени киреев, а также найманов. Составляя до 30% населения, они не были включены в традиционную военно-административную систему Монголии, формально же были подчинены Кобдо лишь в 80-х гг. XIX в. З. Матусовский отмечал, что 12 тыс. кибиток абак-киреев, кочующих по Иртышу в Кобдоском округе, подчинялись Чугучакскому амбаню.

Казахи (найманы и кирей) заселили Черный Иртыш в XVIII в. Однако восстание мусульман Синьцзяна привело к некоторому от-

теснению их из верховьев Иртыша бежавших калмыками. В Западной Монголии проживало значительное число российских казахов, бежавшее через границу в разное время. В середине XIX в. из кочевавших на Алтае 4,5 тыс. кибиток 2 тыс. кибиток ушло в Кобдоский округ Внешней Монголии⁶. В конце июля 1878 г. 750 юрт Чингистайской волости Усть-Каменогорского уезда, вследствие изъятия у них кочевков на правом берегу Бухтармы, откочевали на территорию Цинской империи. В октябре 1878 г. почти вся Алтайская волость, 1061 кибитка, откочевала в Китай. В 1898 г. по Зайсанскому уезду из 23659 кибитковладельцев, внесенных в списки, числилось бежавшими в Китай 1977 семей, по Усть-Каменогорскому уезду - из 17413 - 248 семей⁷. Следует отметить, что из Западной Монголии нередко казахи откочевывали в другие места. Например, в 1879 г. из Монголии в Чуйскую долину, а затем на Бухтарму перекочевало около тысячи семей киреев.

Отношения между ойратами и казахами были напряженными, но цинские власти в конце XIX в. не могли решиться на поддержку одной из сторон. Но монгольские народы являлись в XIX в. наиболее надежным и важным союзником Цинской династии в борьбе с мусульманским сепаратизмом, и как-то ущемить их права на землю в пользу ненадежных тюрков-мусульман Пекин не решался. Однако в противостоянии с Россией Китай всячески переманивал к себе казахов, создавая льготные условия.

В конце XIX в. в Западной Монголии постоянно находились китайцы. Российский исследователь В. Радлов писал о Кобдо: «Возле этих укреплений поселились сами собою китайские купцы и ремесленники и открыли здесь торговые базары для окрестных монголов. Ремесленники и купцы приезжают сюда большею частью партиями и без семейств; от купцов являются только доверенные и прикащики, а ремесленники почти все самостоятельные хозяева. Почти все приезжие останавливаются здесь на очень непродолжительное время. В последние годы приютилось здесь много бежавших из Илийского края, как женщин, так и мужчин. Женщины, вдовы и девицы снова вышли замуж за живущих здесь китайцев; и от того в последнее время в этих посадах образовалось значительное число китайских семейств»⁸.

В.В. Радлов дал довольно подробную картину китайского присутствия в Кобдо в начале 70-х гг. XIX в.: «Верстах в двадцати от

города Хобдо есть маленькое место, годное для хлебопашества; оно принадлежит казне и обрабатывается китайцами по вольному найму. Хлеб сполна собирается в казенные магазины для продовольствия стоящих в городе войск и семейств чиновников... Кроме этих лавочников, есть еще значительное число ремесленников, которые работают необходимые для городских жителей вещи и приготавливают многие изделия для кочующих жителей края. Наконец, живут в Хобдо садовники, столяры, маляры, портные, сапожники, кузнецы и мастера серебряных и медных изделий. В конце XIX в. в Кобдо были отправлены китайцы - зеленознаменные солдаты для занятия земледелием. В 1903 г. в Кобдо жило несколько дунган-торговцев, но монголы их не отличали от остальных китайцев.

Кроме китайцев в Кобдо также несли службу знаменные маньчжуры. Летом 1878 г. в Кобдо проживало около 400 солдат. В 1900 г. Маньчжурских знаменных войск в Кобдо было немногим более 270 человек офицеров и солдат⁹. Кроме гарнизона, маньчжурские офицеры командовали монгольскими пограничными караулами.

Во 2-й пол. XIX в. на территории Кобдоского округа появились русские. В 1864 г. томский губернатор Лерхе по ходатайству купцов отправил в Кобдо штабс-капитана Принца для установления торговых отношений. Так как в Западной Монголии не было российского консульства, то российские подданные не имели права постоянного проживания и строительства своих домов. Китайские власти старались оказывать всяческие препятствия русским торговцам и для объединения купцов и переговоров с местными властями в Кобдо в начале 1883 г. выбрали старосту, купца И.П. Котельникова. Защита интересов русских подданных в этом районе была возложена на консула в Урге. Несмотря на сложности, русские торговцы постоянно жили в Кобдо, в городе имелось большое русское подворье, на каждой из 3-х его улиц были русские лавки. Особо следует отметить, что Западная Монголия, вместе с Тувой, до конца XIX в. были единственными территориями в Цинской империи, где русские торговцы жили и работали вне городов, непосредственно с местным населением. К началу XIX в. несколько десятков русских торговцев вели свои дела в этом регионе, в том числе 24 купца имели значительные торговые обороты. В Кобдоском округе жили не только торговцы, но и русские крестьяне, например, чердынск-

кий крестьянин Ф.И. Минин прожил в Западной Монголии с 1873 по 1898 г. Он владел разговорным и письменным монгольским языком и даже составил русско-монгольский словарь. Частыми гостями в Кобдоском округе были русские ученые.

Население и власти Кобдоского округа находились в сложных отношениях со своими соседями. Ойраты имели проблемы в отношениях с мусульманскими народностями Цинской империи, что было вызвано недавними мусульманскими восстаниями, заставившими монголов не только бросить свои кочевья в Синьцзяне, но и бежать через Россию в Монголию, а в 1872 г. дунганская армия сожгла город Кобдо. Еще большей проблемой в двухсторонних отношениях был земельный вопрос, вызванный увеличением казахского населения в южных районах округа. О сложности отношений говорит тот факт, что монгольские возчики русских товаров отказывались ездить через казахские кочевья даже за повышенную плату. В 90-х гг. в Кобдо был командирован чиновник из Гирина, специально для улаживания споров между казахами и алтайскими урянхайцами.

Отношение к цинской администрации в конце XIX в. было лояльным, но «без усердия». В отличие от части своих соплеменников в Синьцзяне, ойраты не принадлежали к служилому знаменному сословию, хотя и были включены в военно-административную систему Монголии. Большинство западномонгольских народностей (за исключением олётгов), было силой оружия покорено цинами, либо они пришли в Китай после маньчжуро-дзунгарских войн. Цинские власти в конце XIX в. не доверяли монголам. В начале конфликта с Россией летом 1900 г. Кобдоский амбань Жуй Сюнь докладывал в Пекин: «Я еще боюсь, что Монголия думает только о выгоде ... я боюсь, что они нарушат приказ»¹⁰. Монгольских князей подкупали дорогими подарками, но собранное в Кобдо в 1900 г. монгольское ополчение перебило маньчжурских офицеров и разбежалось.

Отношение собственно к китайцам формировалось в процессе торгово-экономических связей. Как всяких торговцев и ростовщиков, монголы их не любили, но не могли обойтись без них. Китайцы для монголов во 2-й пол. XIX в. не выступали в качестве нации, представляющей государство-эксплуататора или носителей великоханьского шовинизма по отношению к кочевникам.

Отношение к русским формировалось двумя основными факторами. Русские выступали как торговцы и ростовщики, а также как представители сильного соседнего государства. Негативные стороны от соседства с русскими в этом отношении монголами ощущались гораздо слабее, чем тувинцами и казахами, которые имели земельные споры и находились под «большим давлением» торговой и хозяйственной деятельности русских, а положительные, как противовес китайской деятельности, - больше. Немаловажную роль играла и религия, в частности более терпимые взаимоотношения между представителями христианства и буддизма. Показательным является мнение Г.Н. Потанина: «Жизнь монголов проходит тихо; нравы их мягки, преступления редки, о зверском обращении с женами или детьми не слышно ... Иностранец может спокойно путешествовать по стране, русские приказчики в одиночку разъезжают по кочевьям и не жалуются на обиды ... в киргизской степи ... путешествовать по стране без конвоя едва ли так безопасно, как в Монголии»¹.

Кобдоский округ в конце XIX в. представлял собой своеобразный регион в составе Цинской империи, по многим параметрам отличный от соседних Халхи и Синьцзяна. Отношения с соседними территориями Китая и России были важным фактором развития Западной Монголии, но в тот период не вызывали серьезных противоречий и проблем. Основные проблемы в регионе формировались в сфере межнациональных отношений на базе культурно-конфессиональных, экономических и политических противоречий. Большое значение для Кобдоского округа во 2-й пол. XIX в. приобретают проблемы, связанные с увеличением числа казахского населения в округе. К началу XX в. также созрели условия для нового этапа ханьского освоения Западной Монголии, появления китайских поселков в других местах Кобдоского округа. Ко времени монгольской революции, например в Уланкоме уже проживало около 300 китайцев. Важным фактором дальнейшего развития региона стали противоречия между цинской администрацией и местным населением, также проявившиеся к концу XIX в. Все эти противоречия привели к превращению Кобдоского округа в одну из наиболее конфликтных зон в период Синьхайской революции.

¹ Баторский А.А. Монголия. Опыт военно-статистического очерка. Ч.1. СПб., 1889. С. 167.

² Баторский А.А. Монголия. Опыт военно-статистического очерка. Ч. 2. СПб., 1891. С. 13.

³ Матусовский З. Географическое обозрение Китайской империи. СПб., 1888.

⁴ Долбежев Б.В. Судьба калмыков, бежавших с Волги // Сборник материалов по Азии. Вып. 86. СПб., 1913.

⁵ Певцов М.В. Очерк путешествия по Монголии и северным провинциям Внутреннего Китая // Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. Кн. V. Омск, 1883.

⁶ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 217. Оп. 2. Д. 74. Л. 2.

⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 573. Оп. 12. Д. 13280.

Радлов В. Торговые сношения России с Западной Монголией и их будущность // Записки ИРГО по отделению статистики. Т. II. - СПб., 1871. С. 356.

⁹ Ихэтуань данань шиляо (Архивные материалы об ихэтуанях). Т. 2. Пекин, 1959. С. 444.

¹⁰ Там же. С. 443.

¹¹ Сборник к 80-летию дня рождения Григория Николаевича Потанина. Избранные статьи и биографический очерк. Томск, 1915. С. 5.

У.Б. Очиров

К вопросу о численности калмыцких этнических групп за пределами калмыцких кочевий в кон. XVII – нач. XX вв.

В XVII-XVIII вв. в калмыцких улусах неоднократно вспыхивали междоусобные столкновения, в результате которых ряд этнических групп ушел за пределы калмыцких кочевий, а некоторые из них при этом приняли православие и перешли к оседлому образу жизни. Калмыцкие феодалы и духовенство пытались воспрепятствовать этим процессам, но к концу XVIII в. численность «мигрантов» достигла уже 22,6 тыс. человек¹ (более 25,6% численности всего калмыцкого народа). Исследование динамики численности калмыцких этнических групп за пределами Калмыцкой степи осложняется отсутствием развернутых статистических исследований, особенно